

Как создавались «Джунигли»

Перевод с английского Н. ДАРУЗЕС

1

Мой роман о гражданской войне «Север против Юга» вышел в свет, и критика хвалила книгу, но в продаже не разошлось и двух тысяч экземпляров. Американцы не желали слышать о том, что досталось им в наследство; во всяком случае — не желали слышать от меня. Пятьсот долларов аванса — вот все, что я получил за свои труды.

Тем не менее «Север против Юга» помог мне выбиться на дорогу. Редактор «Призыва к разуму»¹ прочел книгу и написал мне восторженное письмо: я изобразил борьбу за освобождение черных рабов, почему бы не сделать того же для белых фабричных? Я ответил, что возьмусь за это, если он окажет мне материальную поддержку. Редактор согласился дать мне пятьсот долларов аванса под будущий роман, и местом действия я выбрал чикагские бойни. Последняя стачка навела меня на эту мысль, а мой памфлет «Вы проиграли стачку» доставил мне популярность среди рабочих-социалистов, занятых на бойнях.

В октябре 1904 года я приехал в Чикаго и прожил семь недель среди рабов консервного треста. Впоследствии меня нередко спрашивали, не родился ли я в Чикаго, а я отвечал, что если бы я прожил там всю жизнь, то не написал бы «Джунигли»; тогда я не нашел бы ничего особенного в вещах, которые поразили меня, как

Мы печатаем главу из незнакомой нашему читателю автобиографии Эптона Синклера, посвященную истории одной из лучших книг Синклера — романа «Джунигли», написанного тридцать лет тому назад.

¹ «Призыв к разуму» — социалистическая газета, издававшаяся в США в довоенные годы.

неожиданный и сильный удар. Я ходил бледный и осунувшийся, что объяснялось частью недоеданием, частью отвращением. Мне казалось, что я стою под стенами цитадели угнетения. Как пробить брешь в этих стенах или перебраться через них — такова была моя стратегическая задача.

Вечера я просиживал на квартирах у рабочих, иммигрантов и уроженцев Америки: они рассказывали мне свою жизнь, один за другим, и я записывал решительно все. Днем я ходил по бойням, и мои друзья, рискуя потерять работу, показывали мне все, что я хотел видеть. Я был одет немногим лучше рабочих и сделал открытие, что, держа в руке котелок с обедом, можно пройти куда угодно. Пока я не останавливался, никто не обращал на меня внимания. Когда мне нужны были особенно точные наблюдения, я несколько раз подряд проходил через то же помещение.

Я бродил в районе боен, беседовал с юристами, врачами, сиделками, полисменами, политиками, маклерами — со всякого рода людьми. Обедал я в университетской столовой, где проверял собранный материал, советуясь с людьми, занимавшимися социально-филантропической работой в этих местах. Когда книга вышла из печати, они были слегка шокированы, узнав, каким ужасным кажется все это со стороны.

Для меня оказалось большой удачей, что как раз в это время в Чикаго приехал Адольф Смит, корреспондент «Ланцета» — ведущего английского медицинского журнала. Смит, один из основателей английской социал-демократической федерации, был в то же время специалистом по вопросу о бойнях и консервной промышленности и обследовал для «Ланцета» все бойни мира. Когда я начинал сомневаться в значимости собранного мною материала, — когда мне казалось, что мое отвращение объясняется излишней чувствительностью

модного идеалиста,— и находил поддержку в профессиональных, делегированных открытии Симта. «Это—не консервная промышленность! — говорил он.— Это—консервная банка, избыточные тела рабочих!»

К концу месяца я собрал фактический материал и в общих чертах знал, что именно папину, но героя у меня еще не было. Считалось очевидным в воскресенье по радиорадио всем, и увидел перед собой каким-то скользким процессом. Там было неслыханно многое, в том числе выбитых ледиши, и я остановился покоситься, она была насторожена дружелюбно, а я решил идти за ними и прислониться к стене. Первая глава «Джунглей» должна принять форму. Передо мной был мой герой—невеста и жених, старшие родители, пушмийный куртка, дети, три мутланки и прочая публика. Я вглядывался во всех по очереди, отвел взаимную свою часть в ровное и медленно начал писать эту строку, по своему обыкновению повторяя слова и слова, чтобы крепко зафиксировать в памяти. Я начал уединяться, потом вернулся к проходу на ступеньку у стены до подней ночи, не вступив ни с кем в разговор, а только наблюдая, как поглощают свою воображением и стараясь получше запомнить детали. Протянула мне книгу, которую я вернулся домой в сех за письменный стол, но роман в основных чертах был уже сделан, и я записывал по памяти первые абзацы, даже страницы.

2

Жить в тесной лагуте было очень неудобно, и мы решили перебраться в настоящий деревенский дом. Мы стали разъезжать по округе, рассматривались то к одному, то к другому дому,— причем я искал дешевые, а моя жена—красоты,— и кончал в упаковке оттого, что эти качества никогда не встречались вместе. Наконец, жена посторожествовала, и мы выбрали участок с хорошим домом в восемь комнат, который продавался за 2 600 долларов—тысячу наличными, оставшееся по залоговой. Земли было шестьдесят акров, с хоромами службами, рощицей и тремя фруктовыми садами; наше воображение добавляло к этому корону, кур, щенков и скрипачей, и мы обрадили себя, что все это должно окунуться.

Перед тем как засесть за «Джунгли», я сделал визит доктору Савелжу, который

был женат,— я рассказал наши злоключения этой добродушной даме. И рассказал ему, как моя жена была близка к самоубийству из-за этой зимой, и так разложил его, что он согласился дать мне взаймы тысячу долларов, взяв в обеспечение вторую заработную из нашей фермы. Доброму, верно, приходилось выслушивать немало подобных простых историй в своем просторном избушке, похожем на церковь! Он дал мне помочь, что он отнюдь не богач, и я был рад, когда в конце года мне удалось вернуть ему деньги.

Мы переехали на новую квартиру, роскошно обставленную радиокалиберной мебелью, купленной на «распродажах», которые были в наших местах довольно часты, когда кто-нибудь умирал или пересаживал суда-нибудь.

Столик, блескавший в снегу и топающийся от холода ногами, измокшая случайно слушать три кухонных стула без сиденья и перекладин, или дрожащий тарелок, состоявший из расколотой умывальной таз. Платить надо было налогами и забирать свою покупку вдвадцать четыре часа. На такой распродаже и пущина, корову и лошадь в шарабаном.

Предыдущей зимой я своими руками выстроил себе хибарку для литературных захватов, в восемь футов шириной и десяти длиной, крытую голом, с одним окном и одной дверью. В ней стоял стол, стул, самодельные полки с книгами, и маленькая круглая печурка, которая гонялась за мной, вдохновение подгоняло меня, и мне некогда было подкладывать дрова. Эту хибарку погрузили на подводу, перевезли на новое место и поставили над обрывом, на самом краю; в то время я ненавидел жизненные виды больше, чем темный угол; теперь я не так романтичен и по возможности стараюсь укрыться от ветра. На рождество я засел в этом убежище и начал писать первую главу «Джунглей».

Три месяца я работал не отрываясь. Я писал со слезами и болью, вкладывая в книгу все муки, которыми подверглась моя жизнь. Это была история рабочей семьи чикагских боец, но это была также история моей собственной семьи. Мне нужно было рассказать, как страдают в зимнюю стужу чикагские бедняки. Стоило только припомнить прошлую зиму в этой самой хибарке, когда мы повсюду топили байковые одеяла, укрывались половниками и, скривившись, прожигали на своих кроватях. То же я мог рассказать о голоде, и о болезнях, и

КАК СОЗДАВАЛИСЬ «ДЖУНГЛИ»

о страхах. Мой герой, Джунглей, был моим женем, только она говорила по-литовски. Наш маленький, в ту зиму болезненным легких и был при смерти, и это горе тоже вошло в книгу.

3

Три месяца перерыва работы и сидячей жизни расстроили мое пищеварение. Один родственник предложил мне билет на пароход в Саннику. Я взял билет и поехал во Флориду. Две недели я бродил по берегу моря и ловил рыбу в бурундах. Вернулся я отдохнувшись и работал всю весну и лето. «Призыва к разуму», имеющий подумательные тиражи, начал печатать мой роман,— и получил много писем от читателей и писателей, что на этот раз написал книгу, которую будут читать. «Я не нахожу слов, чтобы сказать вам, какое сильное впечатление она произвела на меня», писал мне Дэвид Грохем Филлипс¹.

Разумеется, в том году я жил в обычной человеческой жизни. Иногда в деревне было хорошо— когда выпадал первый снег и весной, когда первыми покрывались розовым цветом, гроздья—белым, в яблони— белорозовым. У нас был огород, и нам еще не приходило в голову, что сдергивать его обходится дороже, чем покупать овощи в лавочке. Мы доставали гусиных яиц, посыпали на них настекло, у нас вспыхнуло с десяток гусят, за которых приходилось гоняться по всей округе, пока их не съели лисицы и наши собаки—Джуски. Летом я работал в городе все свободное время и стал мастером на все руки. Я косил траву, что было весьма живописно и романтично, хотя облака цветочной пыльцы заставляли меня чихать до одурманивания.

Незадолго до того, как кончить книгу, я стал работать по организации студенческих союзов. Я много думал об образовании, которое мне дали в школе и в университете, и пришел к убеждению, что мое полное невежество в вопросах современного революционного движения было далеко не случайным. Поскольку профессора отказывались знакомить студентов

¹ Дэвид Грохем Филлипс— видный американский литератор девятисотых годов, вместе с Линкольном Стеффенсом и Эдгом Синклером возглавивший «Разгребание грязи».

тес с жизнью современного общества, студентам оставалось только знакомиться с ним в этой жизни, и я послал паркулярное письмо всем студентам-социалистам, каких только было, пригласил их обедничаться. Второго сентября 1905 года мы устроили обед в ресторане Ника из Фултонстрит и выбрали Джека Лондона председателем. Газеты отпечатали несколько строк длинных этих новоявленных членов. Конечно, как запад к секретарю одного из университетских клубов посмотреть членский список, и он никак не мог понять странного назначения нашей организации. «Объединение студентов-социалистов, газета—Лига католиков-апартейдов, демократии, баптистов-баптистов, или Королевский коммунистический клуб!»

Разумеется, у нас не было средств, и все делалось добровольческим. Нередко я сидел по шуху, по трех часов утра, упоминая литературу для рассказки людям, которые часто более не желали получать ее и иногда, не стесняясь, писали нам в этом смысле.

Вскоре приехал Джек Лондон, и для этого встречи мы организовали масонский митинг. Наш герой должен был приехать из Флориды, погод опровергнула, и я помнил, с каким паническим страхом я готовился произнести речь, чтобы оттунуть время. Как раз в эту минуту раздалась правдивая крик, понималась Джек в прошлом свою знаменитую речь «О революции». Это было всего-навсего лаунчать пить лет тому назад, но кажется сейчас здравий историй. Почти весь этот революционный путь лежал теперь в коммунистическое движение.

4

Первые главы «Джунглей», читал Джордж Брет для издательства «Макмиллан». Книга произвела на него впечатление, и он дал мне пятьсот долларов аванса. Последние главы вышли слегка пересыпанными, потому что ни здоровье, ни денег у меня уже не было, и в второй поездке в Чикаго, на которую я сильно рассчитывал, не могло быть и речи. Я сделал все, что мог,— и посмотрели бы мою руку критики, которым не нравится мой! Под конец я уже не имел удара, шагалась решительно все проклятые вопросы, волновавшие Америку, но забыл упомянуть о про-

нессе Хейнса — обо всем, что знал, и писал письма юристу за следованием читателя, и представил эти письма на суд читателя, и практик «Правильных» не знал редактора «Правильных», сел в уголке пустыни и скончалась моя членка и красно-зеленая. Абсолютный холдинг читал еще около часа, в надежде, что гость привнесет сок в его поездку смутить, пробудить от сладкого сна.

Моя письма в Нью-Йорк для первого в истории Бретон. Он хотел, чтобы я выбросила самые страшные места из книги: такие отвратительные сцены никогда не показывались в американской печати, во крайней мере в издании этой известной фирмы. История Бретон до сих пор была долгой, хотя несколько сдержанными картины моих письм; если бы я его тогда послала, моя жизнь сложилась бы иначе, но для этого мне нужно было быть другим человеком. Но сведения обширного издательского опыта об убеждении меня, что можно было бы кроме увеличить тираж, если бы я только согласилась вычеркнуть спорные места, а если я не соглашусь, издательство будет вынуждено отказаться от книги. Помни, что я хотела совместиться с Линкольну Страйкером, старшему коллеге по «Разграбленному гравю». Он сказал мне: «Бескомпромиссно писать о неправедливых вещах, хотя бы они и существовали в действительности». Но я не могла принять его совет: я должна была сказать правду, — а пусть люди делают с мной, что хотят.

И уже забыла, какие другие издательства отказались от «Джунгли». Всего их было пять. В конце концов я побежала и решила сам сделать книгу. Редактор «Правильных» согласился дать в своей газете место для публикации моих бер. Джек Лондон написал заглавительную статью, обращавшуюся к социалистическому движению с призывом поддержать книгу, которую он называл «Жизнью или Тома» из жизни фабричных рабочих. «Она живет и горит», — писал Лондон. — В ней вся истинность жизни. В ней нет в грехе, стона и слезы». Я решила издать книгу с помощью читателей: во всем 1 доллар 20 центов за экземпляр, с доставкой по

¹ Билл Хейнс — деятель американского рабочего движения, сущившийся в 1905 году по ложному обвинению в покушении на губернатора Стенберга.

КАК СОЗДАВАЛИСЬ «ДЖУНГЛИ»

5

Молодой юрист поддержал меня, и «Даблдей, Нейлз» согласились начинать книгу, одновременно разрешив мне начинать ее для землян «консервиков». Книга вышла в феврале 1906 года, и сразу же поднялся шум. Ответом консервных фабрикантов были статьи Огдена Армуря в «Старейшей индустрии пост», которую редактировал бывший сократарь Армуря. Консервный король не называл нужным называть свою книгу, но сдерживал достойно него-довав по поводу неподозрительных нападок на его великую фирму, которая действует из самых благородных побуждений и выпускает продукты только самого высшего качества. Помимо, что я прочла эту консервную литературу в Принстоне и думал о ней, возникшая верхом на ферме. Я вынуждена виноват, и материал сам собой подобрался у меня в уме. Когда я доехала до дома, у меня уже был готов ответ. Я сел за стол и писал всю ночь, а на следующее утро была уже готова статья в посеми тысячах слов, под заглавием: «Разоблаченная консервная промышленность».

С первым поездом я уехала в Нью-Йорк, где явилась в редакцию «Журнала для всех», который только что издался в страну, разоблачив действия Уолл-стрит. Я рассчитывала, что им подсобится новый сенсационный материал, и попросилаложить о себе издателя, помимо, что я таком важном деле печет и толкаю с простым редактором. Меня пропали в Э. Дж. Риккью. Я рассказал ему, в чем дело. Он согласил своих редакторов, и я прочла им всю статью с начала до конца. Статья тут же принята и опубликована на 800 долларов. Остальные мои книгу, начинавшуюся зеленый номер и выбросила какой-то рассказ, чтоб затянуть мою статью. Прислали на консультацию двух юристов, и я еще раз прочла всю статью, стручку за стручкой, и должен был привести факты в показательство своих слов.

Это был сущий драмат, не более и не менее. Боб Дэвис из «Журнала Мани» познакомил меня с полумнимым кривым агентом, который служил прежде на бойнях Армуря, и тот рассказал мне, как забрасываемые туши, брошенные в чаны для уничтожения, вынимают через дыни этих чанов и продают тут же в городе на мясо. От Армуря приходили к нему и предлагали пять тысяч долларов, чтобы он опроверг свой рассказ; но скорее напоминала, об этом эти пять тысяч, положила в банк на имя своей матери и для разъяснения о том, как и зачем его подкупали. Оба эти подозрения были у меня, а кроме того, судебные протоколы и обвинения, предъявленные в разных штатах Армуря и его компаниям за продажу недоброкачественных продуктов. Все это составило прекрасное приложение к консервной литературе мистера Армуря.

Статья в «Журнале для всех» должна была постичьвать как пиратскими папками. К сожалению, она появилась в газетных новостях 20 апреля, а 19 апреля твердую историю генерально было разрушено Сал-Франциско землетрясением и пожарами. И потому у консервистической прессы нашелся предлог замолчать вопрос о разоблаченной мясной промышленности.

6

Однако «Джунгли» все-таки попали на первую страницу газет благодаря стараниям президента Георгия Рузвельта, величайшего из мастеров рекламы в те годы. Позже секретарь Рузвельта рассказал мне, что он получал в день до ста писем о «Джунгли». Президент написал мне, что по его распоряжению министерство сельского хозяйства занялось расследованием этого дела, а я ответил, что с таким же успехом любой банант может составлять обвинительное заключение по своему делу. Если Рузвельт действительно хочет знать положение дел в боянях, нужно привести схематическое расследование.

Результатом было просьба приехать в Вашингтон. Меня пригласили в залону в Белый Дом. Потом меня свели с Чарльзом Нэном, уполномоченным по вопросам труда, и Джоном Бронсоном Рейнольдсом, которым было поручено пройти «секретное и конфиденциальное» расследование. Я переговорил с ними, обещая молчать — и сдержал слово. Но, когда я вернулся в Принстон, то нашел дома письмо из Чикаго, в котором мне сообщали, что там уже известно, что президент собирается обследовать бояни и что консервные фабриканты заставляют людей работать в три смены круглые сутки, чтоб привезти консервы из самых порохов. Кроме того, меня доносил некий дядек, распространяющийся вокруг замах девят — он предлагал мне участие в козанской консервной компании. Этот дядек также отправил мне жалобу

около месяца и под конец поймал предлагаемую сумму из трехсот тысяч долларов в акциях. И до сих пор не знаю, было ли это деловое предложение или замаскированная взятка. Если взятка, то это был единственный случай в моей жизни, и я могу считать себя поильщиком.

7

Уполномоченные Рузельта просили меня поехать в Чикаго вместе с ними, но я не люблю находиться в уже сделанном. Я предложил им прислать представителя, который может от них сказатьться с рабочими на бойнике. Для этого я выбрал двух социалистов, с которыми познакомился в местной организации Трентона, Эду Блур и ее мужа. У миссис Блур было четверо маленьких детей, но это не мешало ей быть активисткой в социалистическом движении. Это была маленькая женщина, поутомленная, как почтальонка: война привнесла ее в коммунизм, и теперь все ее интересы — активные работники коммунистической партии, а сама она стала «матушкой Блур», седой, но энергичной, и познакомилась за это время с сотней тюремных камер.

Уполномоченные имели возможность убедиться, что все, о чём я писал в «Джайлз», было правдой, а не мог только представить доказательство того, что рабочие надают в пренарах в «чистое синее сало». Таких случаев было несколько, но однако фабриканты всегда заботились о том, чтобы отправить издову такого рабочего на родину — в Европу. Но и без того материал был собран поразительный, — если бы он попал в газеты! У Рузвелта было намерение реорганизовать инспекцию консервной промышленности и без шума провести законопроект через конгресс. Но фабриканты сами себе повредили, интригнув против законопроекта. Наконец, с молчаливого согласия комиссии, я павел «Нью-Йорк таймс» на след мистера и миссес Блтр, и на следующий же день вся история попала на первую страницу газеты. Рузвелту пришлось предать гласности доклад комиссии и таким образом права выпущены наружу.

Я перебралась в Нью-Йорк и открыла импровизированное бюро печати в двухкомнатном номере гостиницы — два секретаря работали у меня сверхурочно. Я давала инструкции, писала для газет, пока голова не шла кругом, и когда в девять часов вечера

ЭПТОН СИНКЛЕ

жился спать, мозг продолжал лихорадочно работать. Мне казалось, что стены цитадели азности готовы рухнуть, стоит только дать толчок, толкнать еще и еще. В конце концов эти стены остались стоять неподвижно, без единой царапинки: фабриканты потеряли на этом деле несколько миллионов, но быстро наверстали потерю рекламируя повсюду, что качество их продукции теперь гарантировано новой государственной инспекцией.

Год спустя миссис Блур снова посетила Чикаго, на этот раз вместе с корреспондентом «Нью-Йорк геральд». Они провели на бойнике несколько месяцев, и написали, что все старые злоупотребления проходят подражанию.

И прославилась Нью-Йоркская «Извиня урод» писала: «После Байрона, который проснулся в одно прекрасное утро знаменитостью, не было еще примера, чтобы книга завоевала человеку мирскую славу буквально в один день, как заполонили ее «Джунгли». Энтони Сникеру». «Джунгли» были переведены на 17 языков и в течение полугода оставались самой ходящей книгой в Америке и Англии. Фотографы и репортеры приезжали в Принстон, наливали там лошадей и изъявлялись ко мне на ферму, и соседи, которые сбывали мне жававые плуги и разбитых на ноги муз, сделали открытие, что я — «мистическая достопримечательность».

Редакции заказывали мне статьи по тематике и предоставляли назначить гораздо по моему художественному...

Как опущается слово? По правде говоря, для меня лично она значила очень мало. Радостных переживаний было немногого. Я слишком много страдал и разучился радоваться. Если бы я мог считаться с собственными желаниями, я бы с первым поездом уехал куда-нибудь в глуши и не вернулся бы к многолюдью и шуму; однако я не уехал; я знал, что благодаря «славе» газеты и журналы будут печатать хоть что-нибудь из того, что мне нужно было сказать, и наемные рабы на гигантских заводах Америки услышат то, что мне нужно уличить.

Френк Даблдэй передал мне от имени Рузвельта следующее: «Скажите Сниклеру, чтоб он отправлялся домой и предоставил мне управлять Америкой». Но я и

КАК СОЗДАВАЛИСЬ «ДЖУНГЛИ»

послушался совета. Я вел с «Журналом для всех» переговоры о ряде статей, разоблачающих эксплуатацию детского труда на фабриках и заводах Америки. Их это заинтересовало, и они согласились напечатывать восьми или десять таких статей. Узнав, будучи новичком в этом деле, я не связался ни с кем. Я взял с собой письмо Блур, и мы поехали на стекольные заводы Нью-Джерси в разгаре лета, и самое жаркое время я провел наблюдать за десяти-двенадцатилетними малычугами, которых ночью работают перед раскаленными до красна печами. Я помню один случай: заильцовщик от усталости ребенок брел домой на рассвете, свалился на полотно железной дороги, заснул, и его переехала поезд. Я жил у этих рабочих, говорил с ними, езжал одним стадом с ними, и следствием описал некоторых из них в своих книгах. Критики всегда говорят, что я пишу сути дела, что я «идеализирую» своих героев-рабочих. Могу только сказать, что если существует на свете более прекрасный тип человека, чем разовой рабочий, глубоко верящий в единство рабочего класса и жертвующий времем, деньгами, а иногда и самую возможность заработка ради своих убеждений, то я его не встречал.

После этого я побывал на Аллеганских стадионных залах — штаб-квартире наемного рабства в Америке. Там положение там отвратительно, но и тогда оно было достаточно плохим, и то, что я написал, ужаснуло «Бургейл для всех» — они раздумали печатать мои статьи. И мне пришлось отдохнуть, хоть и не по собственной воле.

Я писал когда-то Джулии: «Цезарь в сердце читателя, и начинеются войны в желудке». Правило думать, что я способствовал одорожению боев и прогрессу малой промышленности, хотя это и не верно. Но никто даже не пытается уверять меня, что я улучшил положение рабочих на биржах. У них нет союзов, и их реализация зароботанной платы так же изненада, как и 28 лет тому назад. Однако я не хочу быть несчастным и говорю, как Джек Лондон говорил мне, что, может быть, при всех его усилиях революция наступает лишь десять минутами раньше. Я верю, что многие и многие аудитории вают в своем сердце метту о новом мире, хотя не знают, как осуществить ее. Придет день, мы услышим в них и увидим, как взойдут семена, посаженные нами в те трущие годы. И потому я еще могу сказать, даже наз консервным трюфелем.